

единого понятия «электронной коммерции». При возникновении споров организации не могут ссылаться на нормы международного частного права в части «электронной коммерции», так как они не несут в себе обязательного характера. В свою очередь, стоит отметить, что само назначение международного права – создать определенный единый базис для отношений между различными субъектами, от которого они могут отталкиваться в случае возникновения споров. В данном случае роль международного частного права очень мала в рамках регулирования «электронной коммерции».

Помимо понятия «электронной коммерции» существуют и иные определения, которые в различных государствах по-разному трактуются. К таким примерам можно отнести: «письменная форма», «подпись» и др. Также стоит затронуть проблему невозможности государств найти определенный компромисс в решении вопроса о том или ином понятии «электронной коммерции».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нет единого определения «электронной коммерции». Данное обстоятельство порождает определенные проблемы для нормального функционирования данного института. Реализация «электронной коммерции» является проблемой как национальной, так и международной. Внедрение понятия «электронной коммерции» в национальном законодательстве не решает проблему правильного использования, так как для реализации данного института необходимо и международное закрепление.

Купрейчик А. А.

ПРАВО, ПРИМЕНИМОЕ К ОСНОВАНИЯМ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

*Купрейчик Александр Анатольевич, магистрант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, kupresasha@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Совершение сделок, осложненных иностранным элементом, – неизбежное явление нашей правовой реальности.

Законность и «правовая чистота» отношений, основанных на таких сделках, являются залогом стабильности международного гражданского оборота, а также в некоторых случаях условиями защиты прав судебными (арбитражными) институтами и исполнимости их решений на территории иностранных государств. В связи с этим сторонам в целях оценки возможных рисков при вступлении в такие гражданско-правовые отношения необходимо знать о нормах права, применимых к основаниям недействительности совершаемых сделок.

В настоящее время выбор права, применимого к основаниям недействительности сделок, представляет собой один из самых проблемных вопросов в науке международного частного права, что находит отражение в разнообразии подходов в коллизионном законодательстве различных стран.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует прямое решение данного вопроса: коллизионные нормы, касающиеся недействительности сделок, ограничиваются лишь указанием на то, что последствия ничтожности или недействительности договора входят в сферу действия договорного статута (подп. 6 п. 1 ст. 1127 ГК).

В то же время Гражданский кодекс Казахстана включает основания недействительности договора в сферу действия договорного статута (подп. 6 п. 1 ст. 1115).

В свою очередь, в Регламенте (ЕС) № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I) (далее – Регламент ЕС) содержатся специальные коллизионные нормы в отношении «материальной» и «формальной» действительности договора (при этом материальная действительность в понимании Регламента ЕС охватывает все элементы сделки, за исключением ее формы, а также дееспособности сторон). В соответствии со ст. 10 Регламента ЕС правом, подлежащим применению при оценке материальной действительности договора, является право, которое подлежало бы применению к договору в случае, если бы он являлся действительным. Таким образом, в случае отсутствия соглашения о применимом праве материальная действительность будет регулироваться правом, применимым к договору (ст. 3 и 4 Регламента ЕС). Формальная действительность, в свою очередь, регулируется правом, применимым к форме сделки (ст. 11 Регламента ЕС). В свою очередь, физическое лицо, которое является дееспособным по праву места заключения договора, вправе ссылаться на отсутствие у него дееспособности по праву другой страны в случае, если при заключении договора другая сторона знала об этом отсутствии дееспособности или не была осведомлена о нем лишь по причине собственной небрежности (ст. 13 Регламента ЕС).

Примечательно, что подход Регламента ЕС был в точности воспринят Гражданским кодексом Молдовы (ст. 2623–2624, 2626).

Иной подход демонстрирует Закон Украины «О международном частном праве», устанавливающий общую норму, в соответствии с которой действительность сделки определяется правом, применимым к содержанию сделки (ст. 33). В свою очередь, при отсутствии соглашения сторон о применимом праве содержание сделки определяется в соответствии с правом, имеющим наиболее тесную связь со сделкой (ст. 32).

На фоне отсутствия в Гражданском кодексе Российской Федерации специальных коллизионных норм об основаниях недействительности сделок российский правоприменитель высказал свою официальную позицию по данному вопросу в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

В нем отмечено, что «к различным группам оснований недействительности сделок применяются различные коллизионные нормы»: к основаниям недействительности сделок, связанным с пороками субъектного состава, применяются правила о личном законе физического

лица или личном законе юридического лица; основания недействительности сделок, связанные с нарушением требований к форме сделки, входят в сферу действия статута формы сделки; недействительность сделок в связи с пороками воли и содержания при отсутствии соглашения сторон о применимом праве входит в сферу действия договорного статута.

Представляется, что на данный момент одной из причин отсутствия специального коллизионного регулирования оснований недействительности сделок в Республике Беларусь является недостаточная научная исследованность данной сферы правоотношений, которая должна выступать основой для нормативного регулирования. В свою очередь, последнее должно базироваться на понимании правовой природы недействительности сделок, а также дифференциации оснований недействительности в зависимости от пороков элементов сделки (формы, содержания, воли и субъекта).